

Борис Хазанов – к 80-летию

Борису Хазанову и его ровесникам не повезло. Они родились в жестокую эпоху, может быть самую жестокую в истории. Хотя 1928 год – год рождения Бориса Хазанова – был своего рода передышкой в хронике этого страшного века. В России начали тогда постепенно забывать о красном терроре и о голоде начала 20-ых годов, а в Европе о Мировой войне. Нацистская партия получила в выборах в рейхстаг жалкие 2% голосов, и большинство немцев начало как бы смиряться со столь нелюбимой веймарской демократией. В этом же году был подписан курьезный договор Бриана-Келлога, названный так в честь его инициаторов – французского и американского министров иностранных дел. Договор этот всего на всего запрещал войну как средство решения международных конфликтов и подписало его более 50ти стран.

Эти радужные настроения человечества накануне величайшей катастрофы в его истории подчеркивают, как редко нам удастся распознать в настоящем ростки будущего, до какой степени мы являемся пленниками духа времени. Опыт 20-го века разоблачает не только теории о непрерывном прогрессе, но и всякие другие модели, говорящие о какой-либо, подчиненной человеческой воле исторической закономерности. Об этом пишет Борис Хазанов в своем очерке «Долой историю», и я, будучи сам историком, с ним полностью согласен. В отличие от предыдущих поколений, мы – дети 20-го века – вкусили плод с дерева познания, и знаем, как низко может пасть человек. Теодор Адорно говорил в 1951 году, что писать стихи после Освенцима – это варварство. Наш же юбилей пришел к другому выводу. Он считает, что как раз после Освенцима надо писать и изображать этот небывалый в истории век – в назидание потомкам. Адорно говорит «Писать нельзя, унывать!», а Борис Хазанов ему отвечает «Писать, нельзя унывать!»

Биография Бориса Хазанова связана с двумя странами, которые в драме 20-го столетия находились на авансцене. Это они, в первую очередь, повлияли на своеобразие этого века. Чтобы его понять, надо в первую очередь попытаться понять Россию и Германию, что и делает наш юбилей почти всю свою сознательную жизнь.

Для писателя с таким независимым складом ума как Борис Хазанов, как и для многих других не оказалось места в России. Как и многие его предшественники, он выбрал своим местом изгнания Германию. То же самое сделали в прошлом, например, Федор Степун или Семен Франк. То, что Хазанова объединяет с выше названными, это не только горькая участь эмигранта, но и тот факт, что Германия не является для него чужбиной, так как немецкая культура – это для него вторая духовная родина. Борис Хазанов пишет: «Если я выбрал Германию как страну

изгнания, то потому, что я с молодых ногтей был связан с немецким языком, немецкой литературой и музыкой. То, что некогда называлось духом германской культуры, не было для меня пустым звуком».

В тех же словах могли бы выразить свое отношение к Германии и Федор Степун, и Семен Франк. Однако им, в отличие от Бориса Хазанова не повезло. На их глазах страна романтических мечтателей, «сумрачного германского гения» отворачивалась от своих гуманистических корней, поддавалась гитлеровскому гипнозу и превращалась постепенно, как и сталинская Россия, в ад на земле.

Германия же, в которой живет Борис Хазанов, это совсем другая страна. В ответе на анкету израильского журнала «Нота бене» на тему «Русский еврей в современной Германии» Борис Хазанов пишет: «В центре Берлина воздвигается грандиозный мемориал катастрофы евреев. Публичное отрицание Голокауста в Германии уголовно наказуемо. Гитлеровский «тысячелетний рейх» просуществовавший 12 лет, не может и не должен быть забыт – для большинства нынешнего населения Федеративной республики это азбучная истина».

Но несмотря на его проникновенное понимание всех тонкостей немецкой культуры, несмотря на признание его писательского таланта в приютившей его стране, Борис Хазанов остается осколком России в Германии. Второй родины он так и не обрел. В книге «Миф Россия» наш юбиляр пишет: «Мысль о новом супружестве меня не увлекает. Для этого я слишком намучился в первом браке, да и слишком прирос к своей старой жене. Словом, я одновременно здесь и не здесь, там и не там, и в сущности говоря, ни здесь ни там».

Но нельзя забывать, как обостряется взгляд на свою страну, если смотреть на нее «с другого берега», если у тебя двойная перспектива человека находящегося и внутри и вовне. Так писали о своей родине Фукидид, и Данте, Мицкевич и Герцен, Набоков и Томас Манн. К этой плеяде принадлежит и Борис Хазанов, и время его, как писал Эйтан Финкельштейн в своем очерке о юбиляре, еще придет.

Леонид Люкс